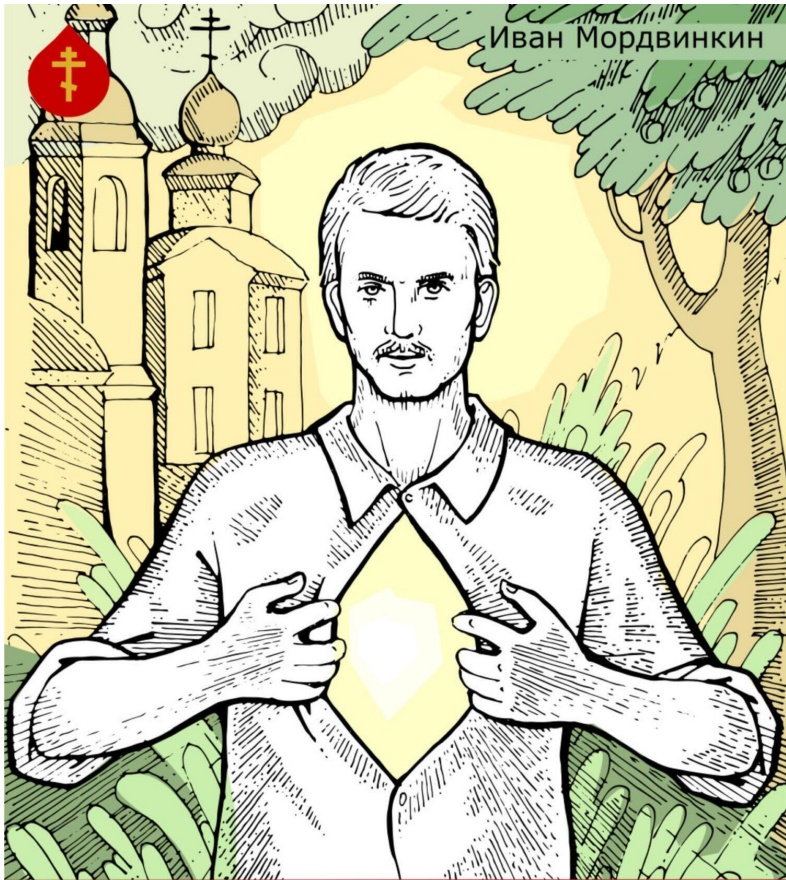

Иван Мордвинкин

ЧУДО ЗА ПАЗУХОЙ

Иван Александрович Мордвинкин

Чудо за пазухой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68797503

SelfPub; 2023

Аннотация

Несчастья и черные полосы невезения – большей частью наши иллюзии, обман личной интерпретации. Главный герой в рассказе пытается найти причину невезения и с помощью опытного друга понимает, что плохое в жизни не так-то и просто найти. Методика предельно проста, но позволяет взглянуть на свою жизнь с другой стороны, увидеть то, чего никогда не замечал.

Иван Мордвинкин

Чудо за пазухой

Что такое невезуха? Живёшь, вроде бы, как все, и худое, конечно, творишь, но и доброе. А мир поворачивается к тебе боком. И круче, чем к другим! И уже не боком выходит оно, а спиной. Как будто этот мир не твой, и живёшь ты чужую жизнь.

Так было и с Димычем, который уже до тридцати дожил, а всё никак не прилипала к нему белая полоса. Покажется, бывало, издалека, и исчезнет тут же. Димыч не боялся черных полос, но жить только в чёрном, или, в лучшие времена, в сером, казалось ему великой несправедливостью.

От того, видимо, с юности Димыч был нервным, всё вокруг него сыпалось да рушилось. Шагу без невезенья не ступить. При том, слава Богу, руки-ноги целы, как говорится, да и голова на месте. А вот, как лбом в стену.

Уж столько всего думал-передумал невезучий Димыч. А всё в пустую. А потому взялся искать правды на стороне и в своё время пришёл в церковь, хоть и не напрямую, а издалека – нанялся полы кафельные положить. Ну и присмотреться заодно, есть ли здесь какой наставник, батюшка премудрый – священники ведь хорошо образованные, или старец опытный. В общем, есть же кто-то, кто может научить истине?

Но Димыч быстро разочаровался и как-то безысходно ис-

сяк, устал. Не физически – парень он был жилистый и к работе привыкший с детства. Устал он морально: в помощники ему дали Алексея Максимыча – бывшего учителя начальных классов, вышедшего на пенсию и заскучавшего без дела. Это ж какому мужику в голову придёт преподавать первоклашкам? А Алексею Максимычу пришло.

Теперь же этот учитель помогал, как мог. Вот только мог он мало. Раствор в корыте вымесить – ему дыхания не хватало, песок он носил двумя вёдрами по полведра каждое, мешок цемента с ним тоже было не допереть, всё сам таскай. А уж про инструменты и говорить нечего: стаместку называл «стамеской», а уровень «ватерпасом». И на перекурах рассказывал одни и те же истории, которыми старался рассмешить Димыча. Но истории оказывались вовсе не смешными, а наивными и детскими. Учитель начальных классов, одним словом.

К концу первого же дня совместной с ним работы Димыч так натянул нервишки, что те гудели в нем, как провода высоковольтной линии.

Вечером же этого жаркого и нервного дня Димыч вышел на улицу, вздохнул, было, с облегчением, и на тебе – ливень шарахнул. Да так внезапно, будто терпел весь день – не выйдет ли Димыч из церкви, чтобы пойти домой через пустырь? Димыч, конечно, вышел, и дождь, конечно, сорвался. И пустился сплошной стеной, изуверски поливая Димыча с ног до головы, заодно превращая пыльную тропинку в грязевой

поток. Надо ли говорить, что дождь этот закончился резко и внезапно, но ни секундой раньше, чем Димыч вошёл под крышу своего крыльца. Вот как на зло!

Утром Димыч проснулся, как всегда тяжело. И только он подумал, что день опять выдался несносно хмурным и пасмурным, как злобные тучи, которые иногда не стыкуются как кубики в тетрисе и оставляют-таки просветы, расступились, и солнце больно резануло глаза Димыча. Он устало сморщился и отвернулся. Впрочем, прячься-не прячься, а надо вставать и начинать новый день и новый список невезух и неурядиц.

Путь на работу вышел обыкновенным. Сначала в переулке с соседских зарослей винограда порывом ветра сбросило росу, и все её капли до единой, конечно, приземлились на голову и спину Димыча, неприятно их намочив. Потом он вышел на пустырь, который раскинулся бесполезным и угрюмым полем, заросшим луговыми сорняками и дикими грушами, выросшими сами собою из брошенных воронами семян. Здесь мокрое от той самой виноградной росы лицо Димыча обожгло холодным, ночным ещё ветром. В поле-то всегда воздух бродит от безделья.

В конце луговины продрогший Димыч спустился в балку, по которой струилась болотистая жижа, привлекающая орды комаров. Отмахиваясь и с руганью скользя по мокрой глине, он выбрался из низины уже точно не сонным, а нервным и вполне «взбодрённым» привычными мелкими неурядица-

ми, которые чёрной полосой никак не назвать, а вот серой и унылой – запросто.

Выйдя на ровный лужок, он свернул направо и двинулся через заброшенный старый парк, центральную дорожку которого преграждало огромное, завалившееся ещё зимою, абрикосовое дерево. Уж так оно легло, что перелезть через него – высоко и неудобно, «поднырнуть» – слишком низко и ветки не пустят, а обойти – так придётся продираться сквозь кусты. Всё ведь в этом мире расположено поперёк пути! И это дерево на скользком замшелом тротуаре, и обстоятельства каждого дня, и сама судьба, сама жизнь человека, вечно заботящаяся о новых и новых препятствиях.

Димыч перемахнул через завал, ободрав щиколотку цепкой веткой и потеряв шлёпанец, который долго пришлось вытаскивать из плотной абрикосовой кроны, прильнувшей к земле.

Наконец, невезучий горемыка, старательно убеждавший себя не психовать раньше времени, выбрался на край парка. Вот и церковь.

Алексей Максимыч уже поджидал напарника. Он натаскал в корыто песку и сидел на мешке цемента, довольный и блаженный. Правда, песок он забыл просеять, и Димычу пришлось выполнять кучу лишней работы, а заодно сдерживать раздражение и желание выругаться, как это бывает у многих строителей. Но ругаться в церкви он не хотел, а только хмурился и терпеливо скрежетал зубами. Ну и бранил се-

бя за иллюзию, что не надо, мол, психовать раньше времени. Хоть раньше, хоть позже, а всё поперёк. И оптимизмом тут не помочь.

Через неделю кафельные работы завершились. Последнюю плитку Димыч положил уже вечером, такой же усталый и нервный, каким был он в конце каждого дня всю эту неделю.

– Ну что? – Алексей Максимыч достал термос, разлил по стаканам свой никчёмный травяной чаёк и предложил тост. – За удачное окончание работ!

Димыч промолчал и свой стакан не взял, а только встал, вышел на двор и устало уселся на корявую скамейку. Не вышло у него научиться у великих мудрецов, нет здесь никого, церковь только строится, батюшка бывает редко, по делу и служит на другом приходе. А из простых людей здесь только строители, да несчастный этот и убогий Алексей Максимыч.

Максимыч тоже вышел на улицу, остановился на крыльце, вдохнул полной грудью влажный вечерний воздух и уставился на звёздное небо. Наконец, сосчитав все звёзды, или что он там ещё созерцал, и вернувшись к реальности, он подошёл к Димычу и присел на край скамьи.

– Всё ведь хорошо? – спросил он как бы сам себя. И подумав, он сам себе ответил, раз уж Димыч не откликнулся: – Да. В конечном счёте всё хорошо.

– Это у вас-то всё хорошо? – Димыч сдержал злобную ухмылку, хотя и с трудом. Чего хорошего-то у него? Разбитый

старик-пенсионер, всю свою жизнь просидевший в беспросветной нервоотрёпке с первоклашками, да своих детей приживший аж семь душ. Тут не до хорошего.

– Да, у меня, – улыбнулся Алексей Максимыч. – И у вас, если захотите. Разве Господь лишит вас свободы быть счастливым? Не лишит.

– Ну и к чему это? – Димыч готов был не то, чтобы раздражаться или сердиться, а орать был готов во всё горло: сильно уж он надеялся получить ответы. А работа закончилась, и безнадежная серая безжизненность, именуемая жизнью, вновь возвращалась в его сердце.

– Милостивый и щедрый Господь создал этот мир для нас, – пояснил Максимыч тем добродушным и разжёвывающим тоном, каким преподавал он новые буквы своим ученикам. – Создал и подарил, отдал в полное распоряжение.

Димыч с недоверием чуть повернул к Алексею Максимычу лицо, не глядя, однако ж, в глаза и промолчал. А Максимыч продолжил:

– А вы не замечали, что весёлая музыка грустному человеку как пытка? – завёл он витиеватую мысль откуда-то издалека, и было непонятно к чему он клонит. – Грустному грустная музыка нужна, а весёлая – это только для весёлых. Вот так и мир этот Божий устроен: как вы смотрите на него, так он вам и откликнется. Хотите мрачный мир – будьте несчастливы, и всё будет под стать. Хотите ли, чтоб везло вам во всём? Будьте везучим, живите легко и не рыдайте на каж-

дом преткновения. А если хотите быть счастливым, так берите, сколько угодно вокруг имеется счастья. Но открывается и подается оно только хотящим его взять. Потому-то Господь и даёт вам свободу хотеть чего угодно. И подаёт желаемое с любовью. Кроме греха, конечно, потому как всякий грех не имеет в себе жизни. А жизнь... Её жить надо.

Димыч взглянул на Алексея Максимыча оценивающе, будто впервые увидел.

– Не очень понятно, – он скептически поджал губы и задумался. Потом, накрутив в голове мыслей целый клубок, нашёлся-таки за какую ухватиться. – То есть, если я захочу быть счастливым, то мир перестанет мне подлянки подсовывать?

Алексей Максимыч добродушно рассмеялся.

– Не перестанет! – он внимательно взгляделся в глаза Димыча, чтобы лучше его разузнать и понять. – Он и не начинал никогда. Он просто живёт. Вот и всё.

Просто живет. Подумать только. Димыч не понимал таких вещей, хоть и чуялись они близкими какой-то сокровенной, но простой и постижимой правде, которую только душой и можно ощутить, а умом в ровный строй не сладить. Это тебе не кафель.

– Так что же делать?

– Не оценивайте мир Божий, а через то и Самого Бога, с осуждением, – ответил учитель, привыкший к ошибкам учеников и воспринимающий ошибки эти естественными и до-

пустимыми. – Перестаньте кусаться и огрызаться, когда Господь устраивает вашу жизнь.

– Да я, вроде... – попробовал было оправдаться Димыч, да запнулся. Нет, ну, вообще-то, есть такое... Покусывал он свою жизнь. Частенько покусывал. Можно сказать, грыз её и ненавидел непрестанно.

– Вот вам простой урок: посмотрите вокруг, прямо вот сейчас, и попробуйте к каждому пальцу на ваших руках подобрать что-нибудь хорошее. И загибайте пальчик. Но только хорошее. Плохое, что думается, не берите. И примечайте только то, что и вправду вам нравится, не выдумывайте и не притворяйтесь. Сердце ведь свое не обманешь.

Димыч задумался. Хорошего особо ничего и не происходило, обычная рутина. В ней бывает что-то серое, но и то всё мелкое. Хотя, раз другого нет, можно и серую мелочь сосчитать.

– Ну... – замялся Димыч в нерешительности и взглянул на Алексея Максимыча. Тот ожидал со всею серьезностью учителя и поощрительно кивал головой. – Красиво кафель лег. Это раз. Успели к сроку. Это два. Церковь мне нравится и купола красивые. Это три. Ещё я люблю летние вечера, детство напоминают.

Он осмотрелся, пытаясь найти хоть что-нибудь хорошее, раз нельзя перечислять плохое, которое охотно бросалось в глаза. Наконец, уперился взглядом в собственные ноги.

– Шлепанцы новые купил – прочная резина. Нравится, –

и Димыч загнул пятый палец на правой руке.

С левой рукой шло медленнее.

– Ну, что ещё? Дома жена ждёт, – он задумался, соображая, подходит ли это под «хорошее», или это «обычное». А может «плохое»? – Уже сидит, наверное, на крыльце, и выглядывает в переулок.

Он усмехнулся и вздохнул, погрузившись в воспоминания.

– От этого её ожидания как-то... На душе... Как-то... Не одиноко, – с трудом он подобрал слова, не слишком-то собственные строителям в их поселке. И теперь, выискивая в своем воображении что-нибудь хорошее, Димыч неизбежно притягивался к своей семье. – А там и сынишка бросится на шею. Люблю я его! Прямо вот...

Он потёр грудь кулаком и отвёл глаза в сторону. Сын, это ведь всегда хорошее, что уж тут говорить-то? Дети – это лучшее, это не серое. Он снова вздохнул, пересчитал в уме заново, чтобы не сбиться со счета, и продолжил:

– Поужинаем, сядем втроем на крыльце и укроемся покрывалом, чтоб не прохладно было. И сидим, сверчков слушаем. Забава у нас такая семейная – сидеть и сверчков слушать. Это тоже нравится, – он блаженно улыбнулся и загнул еще два пальца. – И это, и сверчки.

Над последним пальцем он задумался, внимательно его разглядывая.

– А потом спать пойдем. В доме душно, а откроешь

окно, и прям хорошо так. Воздух свежий заходит, ветерок, как будто водой омывает тебя. И хорошо так бывает, – он пробовал подобрать слова, но всё никак не мог зацепить их, и выходило простенько, хотя и с душевным трепетом в голосе. – Как будто бы... Как будто всё вокруг такое... Как в детстве, бывало... И ты такой... Во всём этом...

Он встал, прошёлся пару шагов, охваченный тёплым волнением, и оглядел окружающие его вечерние сумерки. Да тут, если поискать, так много всего такого-эдакого. И небо это, которое уже совсем заснуло, потемнело и открыло невидимые днём звёзды. И светлая, чуть розовая полоска заката на горизонте, похожая на добрую улыбку уходящего дня. И огни пятиэтажек, а где-то в них усталые люди, добравшиеся до дома и обнявшиеся со своими близкими, которых не видели целый день. И вечерние сверчки, опять же... Как только выскажешь это в словах? Как это выразить? Одно в Максимыче хорошо – не совестно перед ним неправильно сказать, он же учитель. Считай, как доктор детский. Да и лицом на Айболита похож.

– А вот вам и домашнее задание, – Алексей Максимыч поднялся в тот момент, когда Димыч уселся на скамейку. И теперь Максимыч стоял напротив, отчего ещё больше стал похож на учителя. – Завтра, когда будете идти сюда за инструментом, старайтесь всю дорогу выискивать хорошее и не пускайте в свое сердце ничего дурного. И тогда увидите свою жизнь с другой стороны.

С утра, увлечённый идеей полученного задания, Димыч поднялся сразу, без ворчаний и вздохов. Любопытство его одолело, правда ли по-другому может жизнь повернуться? Мудрено. Но интересно.

Путь вышел таким же обыкновенным, каким случался он каждый день. Правда, под виноградный дождь сегодня Димыч не попал, обошёл заросли стороной. Но красоту капелек росы на недозревших молодых гроздях винограда Димыч пометил как «хорошее». Увидел он и величие простора, который раньше называл пустырём. Здесь воздух колыхался, как живое и необъятное нечто, приводящее в движение восковые листья диких груш и выветривая из них тихое шуршание, которое, если вслушаться, походило на перешептывание деревьев друг с другом. И это тоже хорошо.

Димыч оценил как хорошее и тропу, проложенную многими людьми, и душистую траву, обступившую эту тропу и раздражавшую его когда-то, и настойчивый запах пижмы, и гармонию её простых и обыкновенно неприметных соцветий. Хорошим Димыч счёл и сырой овраг с ручьём, и готическую многосложность чертополохов, и даже цивилизацию хищных комаров, которые поджидали его в низинке.

Абрикосовое дерево в парке и вовсе поразило внимательное и внимающее его сердце своею красотой и необыкновенной замысловатостью морщин, разбороздивших старую кору. Дерево лежало на боку, но не погибло, приспособилось

и даже выбросило богатый урожай зелёных ещё, но уже довольно крупных, абрикосов. Димыч присел на удобный для сиденья ствол и с азартом пустился выискивать хорошее, которого не исчерпать было в заброшенном парке. И он чувствовал себя пчелой в медовых сотах, наполненных мёдом до краёв, да и выше краёв, через край совсем.

Спустя час только вошёл он в церковный двор, по инерции видя вокруг себя невероятные и незаметные ранее «хорошести». Даже камни в асфальте казались ему красивыми, и каждый от другого отличными, и все они были Божьими, Богом созданными и обдуманнными. И все они были хороши-ми.

На пороге хорошей церкви стоял хороший Алексей Максимыч.

Димыч подошел к старику, такому доброму и мудрому учителю, наделенному от Бога терпением, которое не нужно было напрягать, а которое само собою в нем пружинилось, что не удержался и обнял его, похлопал по спине и потом молча и непозволительно долго не отпускал.

– Ну как? – поинтересовался Максимыч, когда освободился от объятий, и они уселись на скамейку, которую Димыч определил, как хорошую.

– Это странно, – Димыч удивленно выпучил глаза. – В обычном дне больше хорошего, чем плохого. Если так. И на душе такое... Как будто... Как бы это объяснить? В сердце что-то такое... Вроде как я люблю, я как будто влюбился.

Только не знаю, в кого.

– Вот такая она, жизнь, легко в неё влюбиться, если отбросить осуждение и недовольство. А она отплатит, какую захотите – такую и будет для вас, – улыбнулся Алексей Максимыч, вечно всем довольный и всякое прощающий. Учитель начальных классов, как-никак. – Правда, будут ещё в вашей жизни происходить болезненные вещи, конечно. Раз грешим, то и болеем. Но с любовью в сердце они куда легче проходят, и часто без остатка. Нужно только любить мир Божий, любить жизнь, людей, радоваться всему, что Бог подает, и не осуждать Его за преткновения.

– И давно вы так радуетесь? – Димыч хотел знать о своём учителе буквально все. – Я ведь только час провёл в таком... А что будет, если все время так жить?

Учитель улыбнулся, взглянул на Димыча со светящейся добротой, какая бывает только у людей, простивших этот мир и полностью его принявших.

– Вскоре вы станете самым счастливым и лёгким человеком на Земле. А там, по мере того, как будет очищаться ваше сердце от врожденного осуждения, вы сердцем этим увидите Бога. И когда это произойдёт, вы уже ничего другого не захотите.

– Так просто? – удивился Димыч и подметил красоту церковных окон и даже почувствовал благодарность к тем, кто эту церковь построил.

– Было бы просто, если бы не тянули грехи вниз, – учи-

тель вздохнул. – А так... Два шага вперёд, один шаг назад. И это в лучшем случае! Но теперь, по крайней мере, у вас есть оружие. И не против этого мира и его Создателя, а против своего уныния и озлобления. Дерзайте!

И для благословения он с улыбкой похлопал ученика по плечу.

– Подождите, – у Димыча было ещё много вопросов. – А кто вам открыл всё это? У кого вы этому научились?

– У детишек, у первоклассников, – рассмеялся Алексей Максимыч. – С ними или так, или лучше уходить, не выживешь.

– Это точно! – подтвердил Димыч, представляя себе все тяготы, которые приходится преодолевать школьному учителю. Одним терпением там не перетерпеть. И Димыч ещё разок определил Алексея Максимыча как «хорошее».

– Такое чувство, как будто я всю жизнь искал какого-то чуда, а оно все это время лежало у меня за пазухой, – созерцательно заметил Димыч и мягко потёр свою грудину в области сердца. – А ведь я мог бы и не узнать этого. Выходит, я везучий?

– Выходит! Вообще говоря, мы все везучие. Все-привсе. Все-при-все! Мы же люди, и это наш мир, который для нас создал наш Бог. Что тут ещё сказать?

Солнце вдруг вырвалось из-за плотных облаков, и день прояснился, проявился, зазвучал яркими и насыщенными красками. Мир осветился множеством хорошего, которым

полнился в избытке всегда. Ведь это наш дом, это наша жизнь. И с нами наш Бог. И всё у нас будет хорошо!